

Игорь Бондаренко. Последняя страница

В. В. Данькова

Четвертого февраля таганрожцы простились с Гарри Михайловичем Бондаренко.

Погодные условия не позволили принять участие в траурной церемонии всем, кто хорошо знал его. Особенно я сожалела об отсутствии молодежи: рабочих, школьников, студентов, кому Гарри Михайлович щедро дарил свое время и сердце до последнего часа: за два дня до кончины он был на встрече в любимой им «Чеховке».

С творчеством писателя Игоря Михайловича Бондаренко знакомы читатели не только нашей страны. Его произведения переведены на многие языки мира. А роман-диалогия «Такая долгая жизнь» не меньше, чем произведения о разведчиках, вызвал читательский ажиотаж. Как вспоминал сам автор, не только он получал письма со всех концов страны с просьбой выслать книгу, но и магазин «Книга – почтой» был завален ими.

Мне этот роман интересен тем, что он – о моем городе, моих земляках, написан тепло, с глубоким лиризмом. В нем, как в зеркале, отразилась история страны, история военного поколения.

Как писатель Гарри Михайлович счастливо соединил в себе дарование видеть глубинные течения жизни, способность вскрыть их и поднять до уровня художественного обобщения.

Он один из первых отказался от писательской традиции изображать врага «глуповатым». Им созданы произведения о войне, в которых раскрывается истинное лицо противника. Тем масштабнее предстает подвиг народа, добывшего победу в страшной схватке с сильным и коварным врагом.

А в повести «Астрид» я еще ощутила, как благоговейно Игорь Михайлович относился к женщине. Его Астрид – не только отважная разведчица, но и очаровательная женщина высокого интеллекта, достоинства и культуры.

Свое более тесное знакомство с Гарри Михайловичем как неординарной личностью я отношу к 2004 году, когда готовила и проводила вечер в городской библиотеке, посвященный 100-летию со дня смерти А.П. Чехова. Позже я могла наблюдать его и общаться с ним на различных литературных встречах, в том числе в доме-музее И.Д. Василенко – особенно незабываемых.

Гарри Михайлович был не только внимательным собеседником и интересным рассказчиком, он любил шутку, анекдот, песни. Мог и «похулиганить», исполняя так называемые «подзаборные песни» своей далекой юности.

В 2007 году в качестве руководителя литературного объединения «Чайка» я организовала встречу литераторов объединения с Гарри Михайловичем. Несколько часов общения пролетели незаметно.

Вспоминал он и о войне. И по этим воспоминаниям было видно, как обострено у него чувство справедливости. Как настойчиво отстаивал он честь и достоинство нашего земляка, фронтовика Береста, участника штурма Рейхстага.

Он раскрывал перед начинающими писателями свою творческую лабораторию. И они могли видеть, как ответственно подходил он к отбору материала для повести «Красные пианисты». Добываясь достоверности, перечитал гору книг и томов в СССР и ГДР, хотя из многих пригодились лишь несколько строк.

Вместе с тем, он обратил наше внимание на то, что в произведении «...факт и воображение должны быть в таком «сплаве», чтобы никто не заметил даже «швов».

И действительно, герои и персонажи Гарри Михайловича так достоверны, что и не понять, реально существовавшие это люди или рождены писательским воображением.

На вопрос, можно ли научиться писать хорошо, он ответил, что можно, если есть задатки. «Но есть люди «глухие к слову», вот их, как ни тренируй, ничего не получится, он все равно себя «выдаст». И таких очень много».

Беседовала я с Гарри Михайловичем, когда готовила о нем материал в «Таганрогскую правду». Публикация называлась «Охота за словом». Вот фрагмент из нее: «...есть у Игоря Михайловича «тайная» для большинства земляков жизнь виртуальная: с недавних пор он деятельно проявляет себя на страницах литературного сервера «Проза.ру», выступая советчиком тем, кто не может не писать. Его рецензии на публикуемые в Интернете произведения борются с графоманией и псевдоноваторством. «Сейчас у новых «великих» писателей «играть» с вечными именами мода, – пишет в одной из них Игорь Михайлович. – У Пелевина их целая «гроздь», у Сорокина... у кого-то Чехов ходит с саквояжем краденых алмазов... Я уж не говорю, что это дурной тон, похоже на кощунство. Придумать свое трудно, а заниматься перелицовкой и шить литературный кафтан из лоскутов, слямзенных у классиков, или позаимствовать небылицы у горе-историков – легче».

Писатель Бондаренко отстаивает чистоту русского языка от попыток Иванов, не помнящих родства и культуры, подмять его под себя, опустить до своего уровня. «Я называю «четвертой охотой» охоту за словом. Вы – хороший охотник», – отмечает он в одной из рецензий, поощряя настоящую работу автора над словом.

Игорь Михайлович одобряет авторов, пишущих в жанре воспоминаний, особенно волнует его минувшая война. «Святое дело, – пишет он, – оставить воспоминания воевавших. Следовало бы, на мой взгляд, сделать банк данных. Тогда те, кто придут на смену нам, смогут по воспоминаниям восстанавливать картину этой великой войны, и фильмы появятся другие не только про штрафбаты, про то, как мы «драпали», а о том, как мы победили...».

Вот и закрыта последняя страница «такой долгой» и такой яркой жизни. На одной из встреч Гарри Михайлович сказал, что, несмотря ни на что, другой бы он и не хотел.